

Людвиг. Коллеж. — 1990 — 4 колл.

12 ФЕВРАЛЯ 1974 ГОДА, часы спустя после ареста А. И. Солженицына, по обвинению в измене Родине, Владимир Корнилов, Владимир Войнович и Бенедикт Сарнов приходят в его квартиру (в Козицком переулке), навещают семью — поступок чрезвычайно рискованный. Подпись Бенедикта Сарнова стоит также под многими открытыми письмами в защиту Солженицына, других инакомыслящих 70-х годов. (А еще в 1948 году молодой Сарнов был исключен из комсомола за «легкомысленное» политическое высказывание). В мае 1989 года журнал «Огонек» публикует, точнее, републикует солженицынскую повесть «Мат-

мер, в неудовлетворенном литературском тщеславии?

— Тщеславие, вероятно, играет свою роль. Гитлер тоже был неудавшимся художником. Однако есть среди них люди искренние: есть больные, ослепленные злобой, ненавистью (ненависть вообще ослепляет); есть, конечно, шарлатаны, которые пытаются в этой мутной воде поймать свою рыбку поувесистее. Нельзя говорить, что в «Нашем современнике» персонажировано все зло нашей жизни, но политически они давно срослись с самыми реакционными структурами общества, и словосочетание «Полозков—Осташвили» сегодня никого уже не шокирует.

— Как вам показалось, есть что-нибудь общее между нашей, сегодняшней Россией и той старой, которую вы знали когда-то?

Он ответил:
— Только снег.
Итак, действительно, от прежней России остался «только снег»?

— Это, конечно, гипербола. Отчасти даже метафора. Фраза сильная, но она выражает лишь одну грань, одну сторону правды. Суть моей мысли в том, что случившееся слишком трагично, чтобы можно было всерьез надеяться вернуться вспять, вычеркнуть из нашей жизни эти семьдесят три года. Вся жизнь была так глубоко

— И все-таки, несмотря на эти 73 года, нация осталась русской? Или правы советологи с их «гомо советикусом» и Леонид Брежнев с его «новой исторической общностью»?

— В нашем девяностом году сверхочевидно, что из идеи «советского народа» ничегошеньки не вышло — армяне остались армянами, гагаузы — гагаузами... Однако черты «гомо советикуса» несут на себе все нации, кто больше кто меньше. Что до нас — да, новая русская нация. Конечно, русская, но — новая. Жданов, который в своем известном докладе заявил: «Мы — не те русские, какими были до семнадцатого года», был, в сущности, прав, хотя, он, конечно, вкладывал в эти слова совсем иной смысл.

— Как вы полагаете, удел ли писателей участвовать в делах государства? Почему вам, литератору, ставятся вопросы о политике и вы отвечаете? Это обязанность или «время такое»?

— Обязанность, а время лишь обострило. Положение таково, что поневоле политикой должны заниматься все, кто честен и компетентен.

ческая антиномия, как и многое в Пушкине. Одни вырывают из его текста, к примеру, «я не хотел бы ни другой истории, ни другого Отечества» — и это правда, а другие — «черт догадал меня родиться в России с душою и талантом» — и это правда. А подлинная правда — в антиномии, в трагическом противостоянии этих двух прав, раздиравших его душу. С одной стороны, Пушкин провозглашал полную аполитичность, с другой — сочинял «Стансы» и «Клеветникам России», издавал журнал «Современник» — воздействовал на общественное мнение. Пушкин тоже пытался играть политическую роль, однако ему не давали.

— То, что «поэт в России больше, чем поэт» — видимо, единственное, в чем вы сходитесь с Александром Солженицыным?

— Во-первых, Солженицын — очень крупная личность. Он — гигант. Достаточно лишь представить его колоссальную продуктивность, работоспособность, его героическое стремление ответить на все большие вопросы современности. Это по-настоящему и не может не вызвать уважения.

Но его трактат «Как нам обустроить Россию» вызывает у меня множество возражений, вызывает и горечь — даже столь блистательный человек, будучи насильственно оторван от отечества, реально не представляет сегодняшнюю ситуацию. Он дезинформирован, — он позволил себе безосновательный выпад против Попова.

В Александре Исаевиче мне особенно неприятно то раздражение, всякий раз появляющееся в его голосе, когда речь заходит о демократии и демократах. Тем не менее в его последней работе привлекает и радует ее резкая антиимперская направленность. Хотя позиция у него теперь антиимперская, но мышление по-прежнему имперское, и оттого-то «поисильные соображения» столь болезненно были восприняты украинцами, казахами, грузинами...

В Солженицыне борются политик и художник, который слова в простоте не скажет, то и дело прибегает к сомнительным языковым оборотам. (Зачем называть украинцев «малороссами», а Среднюю Азию — «подбрюшием страны»? Настоящий политик никогда этого не сделал бы, понимая, что это вызовет взрыв). Все это огорчает, и тем не менее я никогда не оспаривал тот факт, что Солженицын — очень крупное явление русской литературы XX века. Просто он — художник, которому лучше дается осмысление собственного жизненного материала. А эта его титаническая попытка описать в серии «узлов» всю историю революции в России — это ведь тоже очень русское явление. Вспомним Гоголя с его «Выбранными местами», Толстого с его отказом от художественного творчества и попыткой создать новую церковь, Пастернака, утверждавшего, что высшее дело его жизни — не лирика, а «Доктор Живаго»... Как Самуил Маршак часто говорил Твардовскому: «Надо раскладывать костер, правильно раскладывать костер — огонь упадет с неба». И огонь упал с неба! Невесть откуда явившийся, «упавший с неба» человек вдруг произнес слова, доселе не произносимые, и как бы подтвердил фактом своего существования, что великая русская словесность продолжается, что нити, оборванные, казалось, навечно, — не пересеклись. И это невозможно забыть.

Как писатель, как автор «Ивана Денисовича», романов и рассказов 60-х годов, Александр Солженицын — велик (хотя я против набивших оскомину сравнений его с Толстым и Достоевским). А как политик, как идеолог — он гораздо-гораздо ниже. Но авторитет его столь высок, что вот даже Президент вынужден публично отвечать на его статью, расшаркиваясь, говоря: «Бесспорно, великий человек...»

— Горбачев прав, по-вашему, называя Солженицына «человеком прошлого»?

— Горбачев ошибается, считая его монархистом, полагая его идеалы в самодержавии. (На самом деле в «Красном колесе» вся гнилость царской империи показана вполне красноречиво.) Да, Солженицын во многом устремлен в прошлое, но в российский прошлый много такого, что необходимо было бы восстановить, реставрировать, насколько это возможно.

Был у меня как-то спор с одним физиком по поводу буквы «ять». Я настаивал, что ее отменять не надо было, он — прагматик-ученый — утверждал, что эти архаизмы, следы прошлого в языке, затрудняют машинный перевод, затрудняют общение русских с внешним миром, а я отвечал, что отмена буквы «ять» привела к затрудненности общения русского человека с его прошлым, с историей. Я и по сей день считаю, что отказ, насильственный разрыв с минувшим — одна из главных бед России. Ленин не был тут первым — Петр точно так же, по словам Алексея Константиновича Толстого, съездил в Голландию, а — «вернувшись оттуда, он гладко нас обрил, а к святам, так что чудо, в голландцев нарядил». И подобные насильственные разрывы чересчур часты на Руси. Это опасно для исторического бытия народа. В этом смысле устремленность Солженицына в прошлое очень ценна.

Но с другой стороны, именно на эту его устремленность в минувшее опираются наши приверженцы «особого пути», nepřиятели западной демократии. Мне же по душе слова Уинстона Черчилля: «Демократия — ужасная форма правления, если не считать всех остальных». Вы не читали книгу де Кюстина? Маркиз де Кюстин был убежденным монархистом, ненавидел демократию, видя все лживое, фальшивое, что принесла во Францию республиканская форма правления. В 1839 году он прибыл в Россию, уповая отыскать тут свой политический идеал, ему очень импонировала фигура Николая I... Возвратившись домой, он сочинил замечательную книгу, свидетельствующую о его остром уме, наблюдательности и проницательности. Однако суть в том, что маркиз приехал в нашу империю человеком, презирающим демократию и республику, истово верящим в самодержавие, а покинул с ощущением, что иных вариантов, кроме народной власти, нет.

— Вернемся к нашим баранам. Справился ли нынешний читатель с тем каскадом новых имен и произведений, разноязыких, разновременных, разноязыких (Солженицын и Джойс, Каледин и Кафка...), что обрушился в последние годы?

— Об этом пока рано говорить, следует учитывать два момента, искажающих читательское восприятие.

Первое: крайняя политизированность всей жизни — публика жадно глотает такие книги, как «Несвоевременные мысли» Горького или «Окаянные дни» Бунина, ради их политического смысла. (А это публицистика, и не претендующая на художественность.) Но под тем же углом зрения читается такой сложный и в какой-то мере элитарный писатель, как Андрей Платонов.

Второе: даже очень сложные, очень элитарные книги издаются у нас гигантскими тиражами. Поэтому сегодня все читают всё. Постепенно, однако, наступит дифференциация, и читатели Платонова будут с Платоновым, а почитатели, условно говоря, Пикюла — с Пикюлом.

Возвращаясь к вопросу о предназначении писателя — художник творит, ибо выражает себя, иначе он не может. Он может обманываться, думая, что «глаголом жжет сердца людей», на деле же — удел публики, читателя. И как в жизни любящие находят друг друга, так и читатель находит своего писателя, а писатель доходит к своему читателю.

— Есть ли у вас любимый афоризм, которым вы руководствуетесь в жизни?

— Никакого такого девиза, конечно, нет. Трудно вложить в одну лаконичную формулу все, чем мы руководствуемся в жизни. Но, если уж вы решили так поставить вопрос, отвечу. Главное зло, главная беда сегодняшней нашей интеллектуальной жизни, на мой взгляд, в ее предельной идеологизированности. Люди не думают, не ищут самостоятельно свой путь, а меняют идеологии, примыкают, принимают сознанием, душой к готовой идеологии — не той, так этой. Поэтому я бы сказал так: «Главное — быть самим собой».

Вел беседу Юрий ЗАЙНАШЕВ.
Фото Сергея ШАХИДЖАНЫНА.

СЛУЧИВШЕЕСЯ СЛИШКОМ ТРАГИЧНО

ренин двор» с предисловием Сарнова, содержащим нелепую критику в адрес нобелевского лауреата. В августе того же года, выступая по радио «Сао-бода», Сарнов резко критикует политические и исторические концепции Александра Солженицына.

Но о «вермонтском изгнаннике» ниже, а пока:

— Бенедикт Михайлович, во многих ваших статьях подчас звучит непримиримость к оппонентам — консерваторам и «славянофилам». Не так ли? Будь ваша власть, что стало бы с вашими современниками из «Нашего современника»?

— Любая точка зрения, безусловно, имеет право на существование. Однако слова «консерваторы» или «славянофилы» к этим людям, по моему, не применимы. Мне вспоминается забавная история, связанная с Николаем Глазковым — замечательным поэтом и весьма необычным человеком, способным на самые неожиданные поступки. Например, однажды он голым купался в Яузе, подошел постовой, потребовал одеться, на что Глазков ответил: «А — эксгибиционист». Миллионер, поняв, что это нечто научное (респектабельное), взял под козырек: «В таком случае, извините». Так вот, слова «консерваторы» или «славянофилы» применительно к этим людям — сродни тому «эксгибиционисту». Эти слова облагораживают, придают респектабельность низменным явлениям идеологии, по сути своей, античеловеческим. Но тем не менее я убежден, что мысль и слово не могут быть наказуемыми.

— А вы согласны с тем, что Смирнов-Осташвили осужден не за хулиганский дебош, а за призыв к межнациональным распрям, то есть именно за слово?

— Слово слову — рознь, я провозжу черту между свободой мысли и свободой призыва к насилию, к чужеземонавистичеству. Я был свидетелем действия 18 января. Там присутствовал человек семьдесят этого толка, по меньшей мере пятнадцать вело себя агрессивно. И безобразно, что осужден один только Осташвили.

— Может быть, если говорить о «Нашем современнике», суть дела не в их политическом мировоззрении, а, напри-

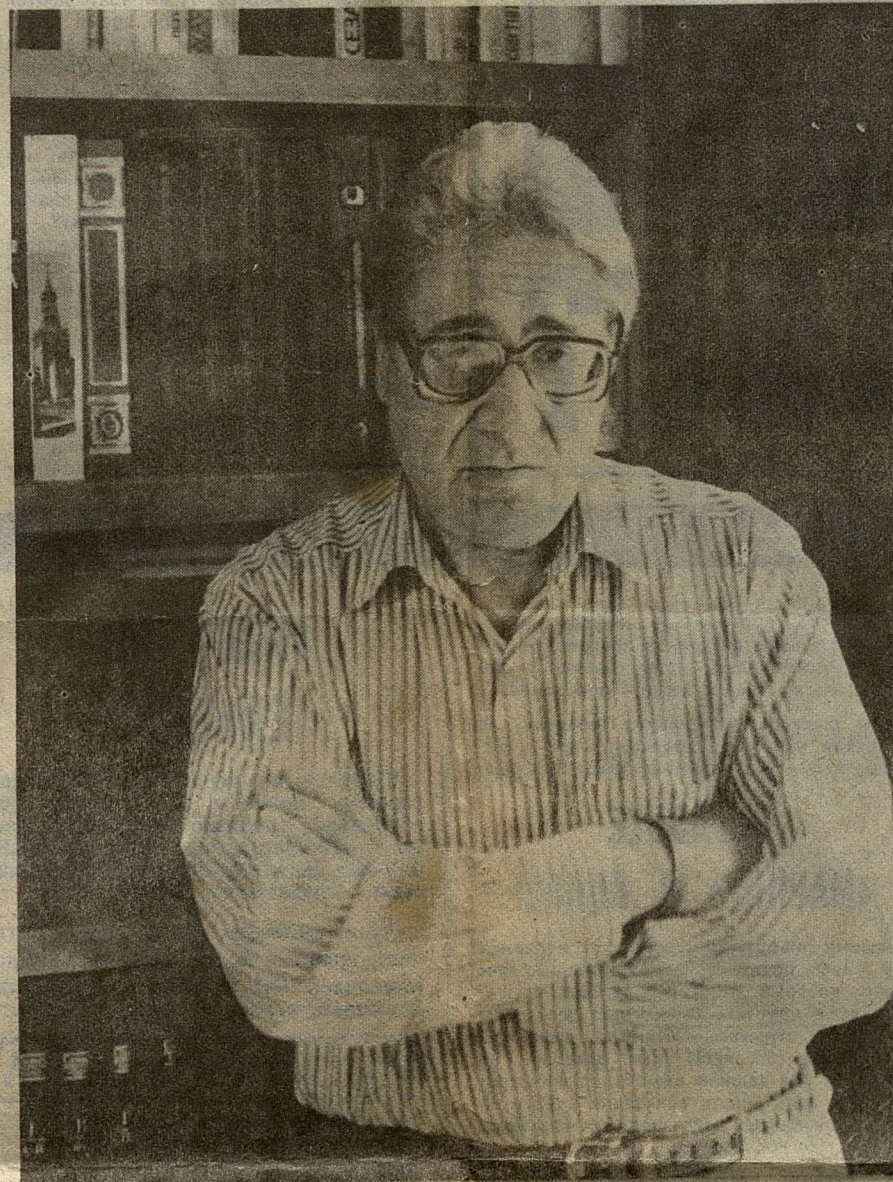
Полемизировать с такими людьми, честно говоря, не хочется.

— Но ведь вы полемизировали, например, с Вадимом Кожинным?

— Признаться, сейчас я об этом жалею. Настоящего, честного спора не получилось. Но предмет дискуссии был все-таки иной, более серьезный. Речь шла о том, что произошло с Россией в 1917 году, и кто главный виновник случившегося. Для меня неприемлема здесь точка зрения, отчетливее, резче сформулированная Солоухиным в работе «Читая Ленина»: «Россию завоевала группа, кучка людей. Они видели, что практически все население против них, кроме узкого слоя «передовых» рабочих, то есть нескольких десятков процента населения России, и все же давили, резали, стреляли, морили голодом, насильничали, как могли, чтобы удержать эту страну в своих руках».

Я же убежден, что большевики не были кучкой случайных людей, неких пришельцев, изнасиловавших Россию. Это было очень русское явление, возникшее на глубинной народной основе. В этом смысле мне очень близка мысль Николая Шульгина, высказанная им на страницах журнала «Век XX и мир». «В 1917 году в России была только одна реальная альтернатива большевизму — это еще более жестокий народный большевизм. Большевиком Ленина и РСДРП(б) был лишь интеллигентским и цивилизованным оформлением большевизма «плебса», — говорит Шульгин. — Не будь первого, победил бы второй, гораздо более страшный. Белое движение и либеральная республика были слишком слабы, чтобы выжить». С этой точкой зрения, разумеется, можно спорить. Но одно несомненно: тот «дикий» большевизм «плебса», то есть простонародья, о котором говорит современный ученый, представлял собой действительно страшную силу. Это подтверждают свидетельства всех честных современников русской революции, правдиво ее отобразивших: Бунина, Короленко.

— Одна из ваших работ завершается следующим диалогом: русскому эмигранту «первой волны», вернувшемуся в 1946 году в советскую Россию, автор задает «не слишком простодушный вопрос:

Бенедикт САРНОВ: «Нельзя рвать связи с прошлым»

перепажана, случившееся настолько неоправдано, что лишь комический эффект могут вызвать лозунги сегодняшних монархистов: «Последняя надежда России — великий князь Владимир Кириллович». И даже трогательные, по-человечески понятные, но все-таки бесконечно наивные попытки восстановить должности предводителя дворянства или казачьего атамана, как это сейчас пытаются делать. Новый «наказной» атаман войска Донского», как я прочел недавно в газетной заметке, — инженер, работает в каком-то КБ. К тому же он, кажется, даже член КПСС. Смеяться тут или плакать? Не знаю.

Вообще же политика проникла в рядовую будничную жизнь весьма давно — в прошлом веке. Поэма «Медный всадник» частично об этом написана: обывательское, «маленькое» счастье оказалось раздавлено тяжелой, «медной» стопой государства. На Западе люди более далеки от политики: та редко-редко затрагивает их повседневность, как, скажем, нынешний кризис в Персидском заливе.

— Но, кстати, тот же Пушкин не желал «зависеть от властей, зависеть от народа»...

— Это высшая свобода, и поэт может быть только таким. Здесь, однако, траги-